

ГАМЛЕТЪ

ТРАГЕДІЯ

Представлена въ первый разъ въ началъ 1750 года, на Императорскомъ театръ, въ Санктпетербургъ.

Источник: Гамлет. Трагедия. (Переделал с франц. прозаического перевода Делапласа) А. П. Сумароков. СПб., имп. Акад. наук, 1748, 69 с.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bmн@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КЛАВДІЙ, незаконный Король Даніи.

ГЕРТРУДА, супруга ево.

ГАМЛЕТЪ, сынъ Гертрудинъ.

ПОЛОНІЙ, наперстникъ Клавдіевъ.

ОФЕЛІЯ, дочь Полоніева.

АРМАНСЪ, наперстникъ Гамлетовъ.

ФЛЕМИНА, наперстница Офеліина.

РАТУДА, мамка Офеліина.

ПАЖЪ Гамлетовъ,

ВОИНЫ.

Дѣйствіе есть въ Даніи, въ столичномъ городѣ,
въ Королевскомъ домѣ.

ГАМЛЕТЪ ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГАМЛЕТЪ одинъ.

Смутился духъ во мнѣ. О ночь! о страшный сонъ!
Ступайте изъ ума любезны взоры вонъ!
Наполни яростью, о сердце! нѣжны мысли,
И днесъ между враговъ Офелію мнѣ числи!
Офелію - - - увы! едино имя то
Преображаетъ все намѣренье въ ничто,
И нудить, во умѣ загладитъ ужась ночи.
Чтожъ здѣлають потомъ ея драгіе очи!
О долгъ! преодолѣй любовь и красоту,
Остави щастливымъ приятну суету!
Отрыгни мнѣ теперь тирановъ гнусныхъ злоба,
Свирѣпство къ должности, на жертву къ мѣсту гроба,
Гдѣ Царь мой и отецъ себѣ отмщенья ждетъ!
Онъ совѣсти моей покою не даетъ:
Я слышу гласъ ево, и въ ребрахъ вижу рану:
О сынъ мой! вопіеть, отмсти, отмсти тирану!
И свободы гражданъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

ГАМЛЕТЪ и АРМАНСЪ.

АРМАНСЪ.

Смущенный голосъ твой
Воздвигъ меня съ одра, и отлучилъ покой,
Я вижу что душа твоя обремененна.
Не вся ли тако ночь тобою провожденна?
Знать въ храмину твою сонъ сладкій не входилъ?
Иль новый страхъ тебя толь рано возбудилъ?
Но Клавдій спитъ еще въ объятіяхъ Гертруды,
Еще покоятся ево тирански уды.
Иль воображается въ умъ твоемъ теперь,
Молящая тебѣ Полоніева дщерь,
И пламенный твой духъ слезами утоляетъ? - - -

ГАМЛЕТЪ.

Твой другъ Офелію отнынѣ оставляетъ.
Но можно ли тогда въ ночи покойно спать,
Когда велитъ судьба любезну покидать,
И быти ей врагомъ, врагомъ быть не умѣя,
Ниже къ враждѣ вины малѣйшія имѣя?
Ужасный сонъ! своихъ мечтавшихся мнѣ силъ,
Ты удареніемъ несчастна поразилъ!
Готовъ къ отмщенію; о сонъ! твоя мнѣ сила,
То, что исполнить, мнѣ уже опредѣлила.

АРМАНСЪ.

Какую ты мечту - - -

ГАМЛЕТЪ.

Довольно безъ мечты
Ко гнѣву и того, что сказывалъ мнѣ ты.
Злодѣйство Клавдія уже изобличенно,
Офеліинъ отецъ погибнетъ не премѣнно.
Отецъ мой убиенъ среди своей страны,
Не во полѣ, на одрѣ лукавыя жены!
Котора много лѣтъ жила съ нимъ безъ порока!
А льстецъ Полоній былъ орудьемъ злаго рока!
Полоній, сей, ково отецъ мой толь любилъ!
О дщерь убійцына! почто тебѣ я милъ!
Почто мила ты мнѣ! почто я въ свѣтъ родился,

Когда я своего отца, твоимъ лишился!
А ты отца теперъ лишена будешь мной.
Равна у насъ любовь, равна и часть съ тобой.
Армансъ! ты хочешъ знать, что Гамлету мечталось,
И кое зрѣлище во мракѣ представлялось?
Разставшия съ тобой, я въ храминѣ стеналъ,
Хотѣлъ заснуть; но сонъ отъ глазъ моихъ бѣжалъ.
Отчаянье меня въ одрѣ моемъ терзало,
И ярость съ жалостью, чрезъ три часа мѣшало,
Потомъ я скорбію несносной утомленъ,
Забылся и заснулъ тоской обремененъ.
Но сей покой мнѣ сталъ мукъ пущею виною,
Родитель мой въ крови предсталъ передо мною.
И плача, мнѣ вѣщаль, о сынъ! любезный сынъ!
Познавъ вину моихъ несчастливыхъ судьбинъ,
Почто ты борешься съ разсудкомъ толь безчинно,
Или чтобъ и твое мнѣ сердце было винно?
Отмсти отцову смерть, и мщеньемъ утуши
Всегдашню жалобу стениящія души,
Прими Геройску мысль, оставъ дѣда любовны,
Возри на тѣнь мою, и зри потоки кровны,
Которы предъ тобой изъ ребръ моихъ текутъ,
И проливаясь на небо вопіють.
Сей гласъ меня воздвигъ, ужасна тѣнь пропала;
Но мнилось, что еще и въ явѣ угрожала.

АРМАНСЪ.

Суля природѣ дань, мать хочетъ пощадить:
Не можетъ я любовь того же сотворить?
Ты умѣряючи свою къ Гертрудѣ злобу,
Винишь злодѣйство въ ней, но чтишь ея утробу:
Полоній смерть приять достоинъ какъ злодѣй;
Но, Гамлетъ! онъ отецъ возлюбленной твоей.
Она сей смертію съ тобою разлучится;
Пускай на Клавдіѣ отмщенье совершится.

ГАМЛЕТЪ.

Гертрудою, Армансъ, я человѣкомъ сталъ,
Полоніемъ отца на вѣки потерялъ,
Оставляю мать суду всевысочайшей власти.
И воспротивлюся своей негодной страсти.

АРМАНСЪ.

Колико горькихъ слезъ любезной ты прольешь!
Иль горести ея безъ жалости ты ждешь?
Ты самъ себѣ влечешь тоскливо разлученье:
Какое приключить себѣ и ей мученье!

ГАМЛЕТЪ.

Я бѣдствіемъ своимъ хочу себя явить,
Что надъ любовію могу я властенъ быть.
Люблю Офелію, но сердце благородно
Быть должно праведно, хоть плѣнно, хоть свободно.

АРМАНСЪ.

Когда Офелія увидится съ тобой,
Я чаю премѣнишь тогда разсудокъ свой,
И слабости свои невинныя познаешь.

ГАМЛЕТЪ.

Почто ея ты мнѣ толь живо представляешь!
Я вознамѣрился не зрѣть ея въ сей день.
Воображайся мнѣ явившаяся тѣнь!
Воззрите вы глаза къ родительскому гробу,
И умножайте днесъ во мнѣ свирѣпу злобу!
Ожесточите мя, какъ можете, теперь,
И дайте позабыть мнѣ, чья Офелія дщерь!

ЯВЛЕНІЕ III.

ГАМЛЕТЪ, АРМАНСЪ и ГЕРТРУДА.

ГЕРТРУДА.

Не немощь ли тебя какая удержала,
Что я тебя вчера день цѣлый не видала?
Едва зоря могла взойти на небеса,
И освѣтила валъ и дальныя лѣса,
Гертруда не выдавъ тебя вчера съ собою,
Сама пришла спросить, что здѣлалось съ тобою.
Не должно ли твоихъ отсутствіемъ притчинъ,
Знать матери всегда, любезнѣйшій мой сынъ?
Но ты смущаешься, и очи смутны стали;
Не здѣлалось ли тебѣ какой печали?

ГАМЛЕТЪ.

Что я въ смущеніи, ты то могла узнать;
Не надобно уже того мнѣ открывать.

ГЕРТРУДА.

Не надобно; но что мой сынъ тому виною?
Тебѣ не надлежитъ такъ скромну быть со мною.

ГАМЛЕТЪ.

Молчи, и горести моей не умножай!

ГЕРТРУДА.

Что здѣлалось тебѣ, скажи, не сокрывай.
Ты сею тайностью, мой сынъ, меня терзаешь:
Или себѣ врагомъ Гертруду считаешь?

ГАМЛЕТЪ.

Я отъ тебя свое имѣю существо,
И быть тебѣ врагомъ претить мнѣ естество.

ГЕРТРУДА.

Но чемъ суровый сей отвѣтъ я заслужила?
Не тѣмъ ли, что тебя въ утробѣ я носила?
О есть ли бѣ твой отецъ въ сей жизни пребывалъ!
Чтобъ, видя насъ теперь, онъ Гамлету сказалъ!

ГАМЛЕТЪ.

На что ты предомной ево воспоминаешь?

ГЕРТРУДА.

На что вспоминать ево мнѣ воспрещаетъ?
Онъ въ памяти моей пребудетъ навсегда:
Безъ слезъ ево конца не вспомню никогда.
Когдабъ ты не былъ младъ, и могъ бы царствомъ править;
Хотѣлабъ бы я, Князь, вдовство свое оставить?
На Царскій одръ, на тронъ, раба я вознесла;
Чтобъ лучше я твое наслѣдіе пасла.

ГАМЛЕТЪ заплакавъ.

О Боже! ты зришь все, и все тебѣ извѣстно;
Какъ слышишь ты изъ устъ ея толь слово лестно?
Ты крѣпость скромности со всѣмъ ужъ отняла,
И тайну въ сихъ слезахъ изъ сердца извела.

АРМАНСЪ.

Иль чувство отъ тебя, о Гамлетъ! отступаетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Ужъ поздно мысль таить; Гертруда тайну знаетъ.
Докончивай свою богопротивну лестъ,
И Клавдія спасай, доколѣ время есть.
Скажи ему, что я къ ево готовлюсь казни,
Прелюбодѣйствуй съ нимъ не чувствуя боязни!
Не мни, что на тебя разверзся адскій зѣвъ,
И снидетъ рано ли, иль поздно вышній гнѣвъ.
Покойся въ роскошахъ, въ одрѣ окровавленномъ,,
Къ злодѣйству и грѣху тобою опредѣленномъ.
Не представляй себѣ на память никогда,
Что въ пропасти тебя ждетъ вѣчная бѣда.
И есть ли не сыта ты, ахъ! напившись кровью;
Пожри еще меня сей мерзскою любовью,
И сокруши свой плодъ: онъ быть не можетъ милъ,
Когда родитель мой душѣ твоей постылъ.
Но есть ли бѣ естество въ томъ все мнѣ противлялось,
Тобѣ сердце и тогда мое не убоялось;
Я больше не могу о жизни сожалѣть:
Пришелъ мой часъ, иду отмстить, иль умереть!

АРМАНСЪ останавливаетъ ево.

Остановися здѣсь. Князь, что ты предприемлешь!
Ты въ иступленіи едину ярость внемлешь.

ГАМЛЕТЪ.

Не внемлю ничего, лишь мышлю объ отце:
Отецъ мой убіенъ! убійца здѣсь въ вѣнцѣ,
Довольствуясь имъ противясь вышней волѣ!
Онъ вмѣсто казни здѣсь во славѣ, на престолѣ!
Стени! тобою супругъ, тобою жизнь скончалъ.

ГЕРТРУДА.

Покровъ безстыдныхъ дѣлъ Гертрудиныхъ ниспаль,
Проклятая душа открылась предъ тобою,
Стыжусь слыть матерью, стыжуся слыть женою,
Стыжуся вспомнать, что я, ахъ! человѣкъ,
И лучшебъ было то, чтобъ мнѣ не быть во вѣкъ.
Нѣтъ въ свѣтѣ семъ къ моей убѣжища отрадѣ,
И нѣтъ мученія достойнаго мнѣ въ адѣ.

Гдѣ скрыться отъ стыда! куды свой грѣхъ понести!
Отколѣ возвращу свою погибшу честь!
Страдать: жизнь мука мнѣ, хотя и скоротечна,
А смерть мнѣ мука же, но мука безконечна.
Въ отчаяніи семъ что можно мнѣ избрать!
Коль буду я еще во свѣтѣ пребывать;
Все станетъ, что ни есть, меня изобличати,
И грѣхъ содѣянный на память представляти.
Когда, отчаянна, потщуся умереть;
Супруга умертвивъ, какъ я могу воззрѣть
Въ той жизни на него? и какъ предъ нимъ предстану?
Какъ буду данну зрѣть ему вечную рану!

АРМАНСЪ.

Признаніе вины къ прощенію успѣхъ;
Кто плачетъ о грѣхѣ, тотъ чувствуетъ свой грѣхъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что въ томъ, что слезъ о немъ потоки проливаетъ?
Супруга плачемъ симъ она не оживляетъ.
Армансъ! въ сей часъ, какъ я съ тобою говорю,
Я тѣнь на облакахъ въ воздушномъ мракѣ зрю,
И слышу, что она по вѣтрамъ возглашаетъ:
Я стражду, а мой сынъ еще не отомщаетъ.

ГЕРТРУДА.

Не медли, отомщай! убійца предъ тобой.
Забудь, что мать твоя, казни своей рукой!
Не дай мученія на свѣтѣ семъ терпѣти,
Стыдящейся, увы! на небеса воззрѣти;
Адъ просить добычи своей мой умъ плѣня,
И огненна рѣка пылаетъ на меня.
Уже хотятъ приять жилищи мя подземны,
И въ глубинѣ на мя бунтуютъ вихри темны.
Разверзлая земля, падетъ во мглу сей домъ,
Сверкаютъ молніи и небо мещетъ громъ.
Бѣги, мой сынъ, сихъ мѣсть! ни кто въ нихъ ни спасется,
Бѣги, спасися ты, подъ ними твердь трясется.
Наполненъ мерзостью моею весь чертогъ,
И не присутствуетъ тамъ, гдѣ Гертруда, Богъ.

АРМАНСЪ.

Она изъ разума, о Гамлетъ! изступаетъ;
Природа ей помочь тебѣ повелѣваетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Проси, чтобъ Богъ тебѣ вину твою простилъ.

ГЕРТРУДА.

Нельзя, чтобъ онъ мнѣ грѣхъ толь тяжкій отпустилъ.
Какова таковой ждать грѣшницѣ прощенья?
Не можно избѣжать мнѣ вѣчнаго мученья:
Пребудетъ грѣхъ на мнѣ, надежды больше нѣтъ,
Разверсты пропасти, и адъ меня пожретъ.

АРМАНСЪ.

Какъ грѣхъ твой ни великъ, его щедрота болѣ.
Предай себя, предай Его всемошной волѣ:
Уйми смятеніе, гласъ къ небу вознеси,
И со смиреніемъ прощенья проси.

ГЕРТРУДА.

Господь изъ скверныхъ устъ молитвы не приемлетъ,
Стенанія сердець злодѣйскихъ онъ не внемлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Взведи къ нему свои ты руки и зови!

ГЕРТРУДА.

Онѣ омочены въ супруговой крови.

АРМАНСЪ.

Безсмертный милосердъ, и гнѣвъ его смягчится,
Коль грѣшникъ передъ нимъ всею сердцемъ
сокрушится.

Покайся, и коль смерть супругу ты дала,
Превысь блаженными злодѣйскія дѣла.
Сступи съ пути сего, ужъ недалеко бездна,
Еще быть можетъ жизнь твоя тебѣ полезна,
Сступи, доколь она со всею не претечетъ;
Оттолѣ страждущимъ во векъ изхода нѣтъ.

ГЕРТРУДА.

О Боже! есть ли я тебя не прогнѣвляю,
Что по злодѣйствѣ семъ на небеса взираю,
И гласъ изъ скверныхъ устъ ты можешь воспріять;
Пошли отъ горнихъ мѣсть свою Мнѣ благодать!
Не ввергни въ пропасть мя, гдѣ вверженнымъ въ тѣ
смрады.

Не будетъ никогда малѣйшія отрады,
Куды не входитъ сонъ, единъ въ бѣдахъ покой,
Гдѣ нѣтъ ни на ково надежды никакой,
Гдѣ нѣтъ желаннаго несчастнымъ смерти рока,
И нѣтъ мученію отмѣнности, ни срока!
О адъ! терзаніе моихъ блудящихъ думъ,
И тѣмъ лишъ, что тебя я привожу на умъ,
Колелется душа и нестерпимо стонетъ!
Чтожь будетъ, какъ ея сіе мученье тронетъ!
Но, все, что ни страшитъ въ смятеніи меня,
Чево себѣ ни ждетъ душа моя стена,
Ни что въ толикій страхъ злочастну не приводитъ,
Какъ то, когда сіе на мысль мою приходитъ,
Что, ахъ! не буду зрѣть Творца я своего,
И буду пребывать я вѣчно безъ него.

ГАМЛЕТЪ.

Когда сію ты казнь всѣхъ зляе считаешь;
Кратчайшими къ Творцу, путями притекаешь.
Мученья лютаго страшится и злодѣй;
Но стонетъ во грѣхахъ онъ о душѣ своей,
Не для ради того, что Бога прогнѣвляеть,
Кѣмъ онъ на свѣтѣ сталь, и въ свѣтѣ пребываетъ,
И вмѣсто, чтобъ Творцу работать и служить,
Печется лишъ о томъ, чтобъ щастливо прожить;
Но что онъ углія главѣ, своей готовитъ,
И краткимъ щастіемъ на вѣчность бѣдство ловитъ.

ГЕРТРУДА.

Не можемъ мы воздать и за одно сіе,
Что мы изъ ничего имѣемъ бытіе;
Такъ въ пагубныхъ дѣлахъ своихъ приявъ прощенье,
Мнѣ чемъ заслуживать толь злое согрѣшенье?

АРМАНСЪ.

Пусти изъ глазъ своихъ потоки слезныхъ рѣкъ,
Остави свѣтъ другимъ, и плачь въ пустыняхъ въ вѣкъ.

ГЕРТРУДА.

На все готова я; я городъ оставляю,
Который мерзостью своею наполняю.
Но мню, что оскверню и жительство звѣрей;
Я тигровъ превзошла жестокостью своей.

ГАМЛЕТЪ.

Не такъ жестоки ихъ свирѣпствы и опасны:
Въ злонравіи своемъ мы паче ихъ ужасны,
Во гнѣвѣ челоуѣкъ лютеѣшій самый звѣрь.

ГЕРТРУДА.

То видно и на мнѣ одной, мой Князь, теперь.
Въ безстыдныхъ сихъ дѣлахъ, которыхъ ненавижу,
Препроводите мя отсель, дверей не вижу;
Хочу пребыть одна, хочу предъ Богомъ пасть:
А ты возприимай родительскую власть.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

КЛАВДІЙ и ПОЛОНІЙ.

КЛАВДІЙ.

Во всѣмъ я царствіи одинаго зрю друга!
Изгнала днесъ меня изъ сердца и супруга.
Раби не чувствуютъ любви ко мнѣ, лишь страхъ
Еще содержитъ ихъ въ тиранскихъ сихъ рукахъ,
Когда природа въ свѣтъ меня производила,
Она свирѣпствы всѣ мнѣ въ сердце положила.
Во мнѣ изкоренить природное мнѣ зло,
О воспитаніе! и ты не возмогло,
Се въ первый разъ во мнѣ суровый духъ стонаетъ,
И варварствомъ моимъ меня изобличаетъ,
И есть ли онъ когда въ злодѣйствіи стоналъ;
То рвался, что еще на чью онъ жизнь алкалъ.

ПОЛОНІЙ.

Супруга - - -

КЛАВДІЙ.

Днесъ она вину свою признала,
И Божество въ сей день смиренно призывала.
Она потоки слезъ лила предъ нимъ стена,
И отвратилася, мнѣ вшедшу, отъ меня:
Поди, сказала мнѣ, немѣдленно отселѣ,
И дай покаяться, доколѣ духъ мой въ тѣлѣ;
Приди, сказавъ еще, и ты въ себя въ сей часъ,
Уже разверзлися днесъ пропасти на насъ.
Восколебало мя ужасное то слово,
И сердце здѣлало къ разкаянью готово.

(Падъ на колѣни:)

Се, Боже! предъ тобой сей мерзскій челоуѣкъ,
Который срамотой одной наполнилъ вѣкъ,
Поборникъ истинны, безстыдныхъ дѣлъ рачитель,
Врагъ твой, врагъ ближняго, убійца и мучитель!
Нѣтъ силы больше дѣлъ злодѣйскихъ мнѣ носить;
Принудь меня, принудь прощенія просить!
Всели желаніе искать мнѣ благодати;

Я не могу въ себѣ сей ревности сыскати!
Противныхъ божеству исполненъ всѣхъ страстей.
Ни искры добраго нѣтъ въ совѣсти моей.
При покаяніи жъ мнѣ что зачати должно?
Мнѣ царствія никакъ оставить не возможно.
На чтожъ мнѣ каяться и извергати ядъ;
Коль мысли отъ тебя далеко отстоятъ?
(Возстаетъ.)

ПОЛОНІЙ.

Имѣй великій духъ приявши скипетръ въ руки,
Будь мужественъ по гробъ, и не страшися муки.
Не тотъ отваженъ, кто идетъ безстрашно въ бой;
Но съ смертію и мукъ безстрашно ждетъ герой.
Забудь и свѣтскія и Божески уставы.
Ты Царь противу ихъ послѣдуй правамъ славы.

КЛАВДІЙ.

Наполненъ злобою жизнь вѣчную губя,
Будь бодръ мой томный духъ, и не щади себя!
Довольствуйся однимъ, ты Клавдій, щастьемъ свѣта,
И ужъ не отрицай днесъ пагубна совѣта!
Не представляй злыхъ слѣдствъ, и жизни сей конца;
Вся часть твоя есть честь державы и вѣнца.
Наполнимъ щастіемъ здѣсь житіе толь кратко,
Чтобъ при концѣ сказать: я жилъ на свѣтѣ сладко.
Но кая фурія стѣсненну грудь грызеть?
И кая скорбь во мнѣ всю внутреннюю рветъ?
О небо! не тревожь меня, оставь въ покоѣ!
Уже не превратишь мое ты сердце злое.
Не обличай меня, спасенья не хочу,
И что я здѣлалъ, то во адѣ заплачу.

ПОЛОНІЙ.

Душа моя твоей послѣдовать готова;
Умремъ безъ робости и не преступимъ слова.

КЛАВДІЙ.

Намѣренъ сіе я твердо предпріялъ;
Но чтобъ никто въ пути намъ щастья не стоялъ,
Я зрю противъ себя супругу нынѣ львицей.
Сокроемъ таинство убійствія съ Царицей.
Она разкаялась: кто знаетъ для чево?
Не для паденія, Полоній, моего?

Пойдемъ теперь противъ супругиной любви,
Не пощадимъ пролить мы и ея днесъ крови!
Но прежде погубимъ наслѣдника ея,
И взыдетъ въ Царскій одръ прекрасна дщерь твоя.

ПОЛОНІЙ.

Сія щедрота весь мой разумъ превосходитъ.

КЛАВДІЙ.

Усердіе, тебя въ толику честь возводитъ;
Когдажъ Офеліи я старъ явлюся быть,
Ты можешъ властію къ любви ея склонить.

ПОЛОНІЙ.

Сѣдины подъ вѣнцемъ не могутъ быть примѣтны,
Со дщерію моею вы Царь единокѣтны.

ЯВЛЕНІЕ II.

КЛАВДІЙ, ПОЛОНІЙ, ГЕРТРУДА и РАТУДА.

ГЕРТРУДА.

Вы всѣ свидѣтели моихъ безбожныхъ дѣлъ:
Того противна дня, какъ ты на тронъ возшелъ,
Тѣхъ пагубныхъ минутъ, какъ честь я потеряла,
И на супружню смерть нетронута взирала:
Свидѣтельствуйте вы, что я слагаю грѣхъ,
Всещедрый Богъ мнѣ далъ въ сей день къ сему успѣхъ.
Не тщетно многи дни мысль умъ мой угрызала,
И челоуѣчество въ зло сердце возвращала.
Я плодъ съ него сняла признавъ свою вину:
А ты не почитай мя больше за жену;
Любовь произвела во мнѣ твое злодѣйство!
Супружество мое съ тобой прелюбодѣйство.
Признайся такъ какъ я, сложи съ главы вѣнецъ,
И сотвори своимъ безстудіямъ конецъ.
Ты въ ненависти, Князь мой сынъ любимъ въ народѣ,
Надежда всѣхъ гражданъ, остатокъ въ царскомъ родѣ.
Ты одръ отца его сугубо осквернилъ,
И тяжкимъ бременемъ все царство отягчилъ.
Нещастная страна вся кровью обагрена,
И трупіемъ своихъ сыновъ отягощенна.
Колико много слезъ ты пролилъ бѣдныхъ женъ,

Сыновъ, и дочерей, отъ самихъ тѣхъ времянь,
Какъ честь мою любовь сквернѣйша поглотила,
А я тебя на тронъ Монаршескій пустила!
О какъ тогда, о какъ не сшедъ на землю громъ,
И съ нами не упалъ нашъ оскверненный домъ!
Какъ стѣны нашихъ сихъ чертоговъ не тряслися!
И какъ мы въ таковомъ грѣхѣ съ тобой спаслися!
Помысли Клавдій ты, какъ Вышній терпѣливъ:
И я жива, и ты еще по всемъ томъ живъ.
Отецъ въ немъ милосердъ, судья въ немъ преужасенъ:
По смерти грѣшныхъ вопль есть позденъ и напрасенъ.

КЛАВДІЙ.

Ты хочешь, чтобъ твой сынъ на мой престоль возшелъ,
И предъ народомъ всѣмъ мнѣ судією сѣлъ?
Я слышу изъ твоихъ устъ рѣчь не обычайну,
И мню, что ты ему открыла нашу тайну.
Какъ ты ево отца дерзнула умертвить,
Я зрю, что и меня такъ хочешь погубить.

ГЕРТРУДА.

Не о злодѣйствіяхъ я мысль уже имѣю,
Но о грѣхѣ твоємъ стеною и сожалѣю,
Которому и я сообщница была,
И поводъ твоему убійству подала,
Не ждавъ злой совѣсти послѣдующей муки,
И ахъ! въ супруговой крови багрила руки.
Хотяжъ въ семъ дѣлѣ я виновна больше васъ,
Но ту вину съ меня сложилъ единый часъ,
Въ который облака я гласомъ пронизала,
И со смиреніемъ на небеса взирала.
Сложите такъ и вы тяжелы бремена,
Отпустится и вамъ, какъ мнѣ сія вина,
Я свѣтъ покину въ вѣкъ, и скроюсь въ дѣсы темны,
Жилищи будутъ тамъ пещеры мнѣ подземны,
Оставь и ты свой скиптръ, а ты свой пышный санъ,
Оставленный вамъ вѣкъ еще на пользу данъ.
Вы симъ и ненависть въ народъ изтребите,
Что къ собственной своей вы пагубѣ губите,
Не таковы въ другихъ суть жестоки сердца,
Чтобъ изтребить пеклись они васъ до конца.
Примите только вы инья въ жизни мѣры.
Враговъ своихъ прощать есть должность нашей вѣры.

ПОЛОНІЙ.

Кому прощать Царя? народъ въ ево рукахъ.
Онъ Богъ, не челоуѣкъ, въ подверженныхъ странахъ.
Когда кому даны порфира и корона,
Тому вся правда власть, и нѣтъ ему закона.

ГЕРТРУДА.

Не симъ есть праведныхъ наполненъ умъ Царей:
Царь мудрый есть примѣръ всей области своей;
Онъ правду паче всѣхъ подвластныхъ наблюдаетъ,
И всѣ свои на ней уставы созидаетъ,
То помня завсегда, что кратокъ смертныхъ вѣкъ.
Что онъ въ величествѣ такой же челоуѣкъ,
Раби его ему любезныя суть чады,
Отъ скипетра его лѣтся токъ отрады.
Милъ праведнымъ на немъ и страшенъ злымъ вѣнецъ.
И не приблизится къ его престолу льстецъ.
А ты, о ядъ Царя! злодѣй всего народа,
Котораго имъ въ казнь извергнула природа!
Доколѣ во грѣхахъ сихъ будетъ утопать?
И долго ли Царя къ мученью поощрять?
Иль ты терпѣніе Господне презираешь?
И устремительно на ярость прелагаешь?
Уже и такъ Творца ты варваръ раздражилъ,
Брегись, чтобъ вскорѣ онъ тебя не поразилъ.
Онъ терпитъ; но терпѣть когда нибудь престанетъ,
И въ часъ, когда не ждешь, въ твою погибель грянетъ.

КЛАВДІЙ.

Оставимъ здѣсь ея, она теряетъ умъ;
Дадимъ свободу ей къ собранью прежнихъ думъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГЕРТРУДА и РАТУДА.

РАТУДА.

Вспомни о своемъ теперъ Царица сынѣ.
Оставь злодѣевъ сихъ, предъ нимъ признайся нынѣ.
Открой то Гамлету, что въ сердцѣ ты таишь!
Да тѣнь супругову въ семъ Князѣ утолишь.

Трони ево ты слухъ плачевными словами!
И разрѣши свой грѣхъ сыновними устами.

ГЕРТРУДА.

Мой сынъ увѣдомленъ, не знаю чрезъ ково;
И тайнаго ужъ нѣтъ предъ Княземъ ничево.
Не знаю, кто и какъ мою могъ сведать скверность,
И таинство пронзить, познавъ мою невѣрность.
Я говорила съ нимъ о мерзостяхъ своихъ,
Лишь не открыла всѣхъ подробностей дѣлъ сихъ.

РАТУДА.

Довольно. Будь предъ нимъ въ подробностяхъ безсловна,
Армансъ то знаетъ все, а я тому виновна;
Но мню, что то никакъ не можетъ быть виной,
Что въ пользу для тебя произвелось мной.
Отъ дней, какъ дѣйствіе то учинилось странно,
Я весь терзалась годъ, терзаясь непрестанно.
Днесъ правость на конецъ мой умъ въ полонъ взяла,
И молчаливости оковы прервала.

ГЕРТРУДА.

Нѣтъ винности твоей.

РАТУДА.

Свидѣтельствую рану,
Супругу твоему въ одрѣ Полоньемъ дану,
Котору я омыла омытъ принуждена,
Таилась я, что я была устрашена
И кто бы таковой, въ томъ вѣстницѣ повѣрилъ?
Полоній плачучи предъ всѣми, лицемѣрилъ,
Вѣщая всѣмъ, что твой возлюбленный супругъ,
Естественно въ одрѣ своемъ скончался вдругъ,
И что ево сокрыть была сія притчина,
Чтобъ не пустить ево умерша видѣть сына,
И пущей жалости ему не приключить,
Котора безъ того велика зрѣлась быть!
О вѣрности ево никто не сумнѣвался,
И вымысль злой души за правду показался.
Полоній до сего свирепости таиль:
Какъ агнецъ былъ сей тигръ, и Царь ево любилъ:
Хотя бы всѣ мѣста я града обѣгала,
И съ плачемъ истинну народу возвѣщала;
Ктобъ дерзость такову, Царица, могъ имѣть,

ЯВЛЕНИЕ IV.

ГЕРТРУДА одна.

О дремлющая тѣнь супруга умерщвлена!
Что сотворила я, и что речеть вселенна,
Когда представлятся ей всѣ дѣла мои,
И въ нихъ проклятыя злодѣйствія сіи!
Другимъ несчастливымъ въ случаяхъ самыхъ строгихъ,
Отрада, что они жалѣемы отъ многихъ.
А обомнѣ уже кто станетъ сожалѣть?
Кто можетъ на меня съ щедротою воззрѣть?
О Царь мой! о супругъ! когда назвать такъ смѣю,
И право имени сего еще имѣю:
По возпріятіи мнѣ милости съ небесъ,
Когда раскаянье, стенанія, токъ слезъ,
И, сей отъ сердца гласъ, который я приемлю,
Удобны до тебя дойдутъ пронзивши землю;
Прими прошеніе толь смрадныхъ души,
И жалобу свою въ томъ свѣтѣ утиши!
Когдабъ я жизнь свою могла скончать безгрѣшно;
Я бъ съ радостью тебѣ послѣдовала спѣшно;
Но ахъ! законъ и свой животъ пресѣчь претить,
И самовольну смерть мученіемъ платить;
Такъ дай послѣдовать божественну уставу,
И смерти ожидать покинувъ царску славу!
Ратуда ждетъ меня: что дѣлаетъ мой сынъ?
И нѣтъ ли страха тамъ? съ Армансомъ онъ одинъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНИЕ I

ПОЛОНІЙ и ОФЕЛІЯ.

ПОЛОНІЙ.

Возлюбленная дочь, послѣдокъ рода славна!
О дочь! твоя мнѣ жизнь всегда въ умѣ мысль главна.
Ужъ я состарѣлся, и дни къ концу веду.
Предстать на страшный судъ, и смерти вскорѣ жду,
Кто будетъ о тебѣ, какъ я умру, стараться?
Кто знаетъ, въ каковомъ житѣ тебѣ остаться?

И можетъ быть пойметъ супругъ тебя такой,
Которымъ безъ меня затмится корень мой.
Вступи въ супружество при мнѣ, и дай мнѣ зрѣти,
Какую ты по мнѣ здѣсь будешь часть имѣти.
Согласналь ты на то? а я тебѣ явлю,
Какія для тебя я способы ловлю.

ОФЕЛІЯ.

Но кто есть сей супругъ, котораго желаешь
Ты дочери своей? ково мнѣ представляешь?

ПОЛОНІЙ.

Кто вознесетъ тебя на сей высокій тронъ.
Тебѣ являются слова сіи какъ сонъ,
Однако будетъ такъ.

ОФЕЛІЯ.

Я радостно внимаю,
И кто онъ, я теперь уже разумѣваю.
Въ какомъ я щастіи на свѣтѣ буду жить!
Хочу въ толь славно мнѣ супружество вступить.
Когда толь щастлива Офеліина доля;
Да будетъ въ томъ твоя непрекословна воля.

ПОЛОНІЙ.

Я зрю, что рѣчи ты моей не поняла;
Не Гамлетъ будетъ то, ты щастьемъ назвала,
Кто суетно вѣнца и скиптра ожидаетъ.
Надежда иногда и тщетно услаждаетъ.

ОФЕЛІЯ.

Почто ты возмутилъ духъ щастіемъ взманя?
Приятная мечта! ты скрылась отъ меня!
Надежда отошла и мысли помрачила,
Желанна мною честь лишъ сердце отягчила.
Мнѣ, на престолѣ быть, иной дороги нѣтъ.
Инова дочь твоя супружества не ждетъ.

ПОЛОНІЙ.

Какая здѣлалась во всей тебѣ тревога!
Не сѣтуй, къ трону есть еще тебѣ дорога,
Которой ты еще скоряе притечешь.

ОФЕЛІЯ.

Напрасно мысль мою къ надеждѣ ты влечешь;
Иной дороги нѣтъ.

ПОЛОНІЙ.

Но будь ты терпѣлива.
Я радуюсь, что мысль въ тебѣ толь горделива,
И вижу изъ сего, что ты достойна быть
Моею дочерью, и титло то носить!
Есть способъ быть тебѣ Офелія Царицей.

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ больше способа, а я умру дѣвицей!

ПОЛОНІЙ.

А ежели нашъ Царь супругъ твой будетъ самъ!
И естли Клавдій то и обѣщаль ужъ намъ?

ОФЕЛІЯ.

Нашъ Царь? - - супругомъ мнѣ? - - иль мы живемъ въ
поганствѣ?
Когда бывало то донинѣ въ Христіянствѣ?
Законъ нашъ двѣ жены имѣти вдругъ претить.

ПОЛОНІЙ.

Гертрудиной рукой супругъ ея убить.
Ратудою уже убійство обличенно,
И все злодѣйствіе жены Царю внушенно.
По семъ извѣстїи какъ можетъ съ ней онъ жить?
Когда она ево дерзнула погубить;
Такъ можетъ жизнь отнять у него подобно.

ОФЕЛІЯ.

Жена могла имѣть, жена толь сердце злобно
Къ супругу своему! я вѣрить не могу.

ПОЛОНІЙ.

Ты знаешь, какъ я честь Офеліи берегу!
Коликобъ было то Полонію безславно,
Когдабъ онъ сонъ сказалъ тебѣ за дѣло явно!

ОФЕЛІЯ.

Такъ чтожъ намѣренъ Царь съ Гертрудой учинить!

ПОЛОНІЙ.

Оставити ей честь, и тайно умертвить.

ОФЕЛІЯ.

По сихъ намѣреньяхъ ево страшуся зрака;
Я тако не хочу, съ Монархомъ свѣта, брака.

ПОЛОНІЙ.

Толико щастливу ты отметаю часть,
Офелія влечетъ Полонія въ напасть

ОФЕЛІЯ.

Ты мнѣ отец, и ты далъ сердце мнѣ такое,
Что гнусно передъ нимъ намѣреніе злое.
Я слыша, трепещу, толико странну вѣсть.
Что мнѣ недорого, всево дороже честь.
Царица пусть умретъ, когда умретъ ей должно;
Но мнѣ быть царскою супругой не возможно.
Не будетъ! что бы я свой долгъ пренебрегла,
Я добродѣтельно всю жизнь свою жила.
Не соглашаюся я въ тайнѣ вашей съ вами,
И къ трону не пойду кровавыми стопами.
Скажи Царю, чтобъ онъ на одръ меня не ждалъ,
И съ сей надеждою въ убійство не вступалъ.
Когда бы ярости въ немъ сердце не имѣло;
И въ правосудіи о ней жалѣло:
Гдѣ жалость, гдѣ любовь въ суровости такой?
Она еще жива; онъ ищетъ ужъ другой.

ПОЛОНІЙ.

Подобьемъ таковымъ младенцы рассуждаютъ,
Которы всѣ дѣла грѣхами поставляютъ,
И что безуміе женъ старыхъ имъ втвердить,
Все мыслятъ, что то имъ въ нихъ совѣсть говорить.

ОФЕЛІЯ.

Я суевѣрія съ закономъ не мѣшаю,
И Бога чистою душою почитаю;
Который въ естествѣ мнѣ добродѣтель влилъ,
И откровеніемъ меня въ ней утвердилъ.

ПОЛОНІЙ.

Когда полезныя совѣты я теряю,
Ты дочь, а я отецъ! такъ я повелѣваю.

ОФЕЛІЯ.

Не принуждай ты дочь противиться себѣ,
И помни, какъ была послушна я тебѣ.

ПОЛОНІЙ.

Знай, я тебя уже Царицей нарицаю,
А инако тебя за дочь не принимаю.

ЯВЛЕНІЕ II.

ОФЕЛІЯ одна.

За васъ любезна честь, и Гамлетъ дорогой,
За васъ прогнѣвался на мя родитель мой!
Тебѣ, о честь! я жизнь до смерти посвятила,
Тебя, мой Князь! по смерть я въ сердцѣ заключила.
Хотябъ за васъ мнѣ жизнь случилось погубить,
Ничто не можетъ въ вѣкъ во мнѣ васъ истребить.
Съ тобою буду, честь, жить въ бѣдности, въ напасти,
Довольный какъ лишася ты, въ лутчей смертной части,
Въ великолѣпїи, въ порфирѣ и въ венце.
За васъ, увы! за васъ, злодѣя зрю въ отцѣ!
А ты, дражайшій Князь! хотя моимъ не будешь,
Я знаю, что меня во вѣки не забудешь.
Будь Царь, или не будь, хотя бъ ты былъ и рабъ,
Офелія тебя любила и тогда бъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ОФЕЛІЯ, ГАМЛЕТЪ и АРМАНСЪ.

ГАМЛЕТЪ съ обнаженною шпагою.

Умрите вы теперь мучители, умрите!
Пришелъ вашъ лютой часъ - - - но что вы очи зрите!
Офелію - - - въ какой пришла сюды ты часъ!
Сокрой себя отъ Гамлетовыхъ глазъ!

ОФЕЛІЯ.

Что здѣлалось тебѣ? и для чего мнѣ крыться?
Что такъ понудило тебя на мя озлиться?
Всегдашнее мя зрѣть желанье отмѣня,
Иль ты злодѣйкою, Князь, ставишь и меня?
Какую я тебѣ досаду показала?
За что любезный Князь тебѣ противна стала?
Днесь шлетъ Офелю прочь, а прежде самъ искалъ.
За что ты толь свирѣпъ мнѣ вдругъ, о Гамлетъ! сталъ!
Мой разумъ омраченъ, и всѣ трепещутъ члены:
Скажи причину мнѣ сей странныя премѣны.

ГАМЛЕТЪ.

Возстаньте на меня вы всѣ случаи вдругъ,
Которы можете еще смутить мой духъ!
Всѣ скорби, всѣ бѣды, зберитесь совокупно,
Терзайте бѣднаго и мучте неотступно!
Терзайте, что бы жизнь моя скоряй прешла,
И томная бѣ душа спокойствіе нашла!

ОФЕЛІЯ.

Мя каждая рѣчь теперъ, изъ устъ твоихъ, пронзаетъ,
И каждая быть твоей надежду отнимаетъ.
Дай помощь въ слабости, въ тоскѣ душѣ моей,
И сжалась вниди въ страсть возлюбленной своей!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ жалости уже во мнѣ немилосердомъ.
И больше не ищи любви въ сердцѣ твердомъ,
Затворены пути лучамъ очей твоихъ,
Не чувствую уже заразовъ дарагихъ.
Смотри, въ какой я сталъ Офелія судбинѣ:
Я всѣми напоенъ свирѣпостями нынѣ.

ОФЕЛІЯ.

Такъ ты ту Князь любовь, котору ощущалъ,
Изъ сердца своего со всѣмъ уже изгналъ,
Любовь, что быть должна, была до сама гроба?
Какой преступокъ мой, иль паче кая злоба,
Понудила тебя сей пламень истребить?
Возможно ли тебѣ Офелю не любить?
Гдѣ будутъ клятвы тѣ, которы я слыхала,
И дни, которыхъ я утѣшно ожидала?

Какой я врагъ тебѣ? тебѣ мой нравъ знакомъ:
Слыхалъ ли отъ меня ты вредну рѣчь о комъ?
Какими обличить могу себя я пѣньми?
Злодѣй возходитъ къ злу невдругъ, всегда степенями.
А я иль развѣ всѣхъ тирановъ превзошла.
Или къ погибели другова не нашла;
Чтобъ на тово, ково толь много я любила,
На перваго свои свирѣпствы обратила.

ГАМЛЕТЪ.

Не множь отчаянья, жестокимъ не зови;
Я можетъ быть достоинъ сей любви,
Которая мою жестокость умаляетъ,
И ахъ! намѣренье мое опровергаетъ.

ОФЕЛІЯ.

Скажи мнѣ, кто враги твои, мой Князь драгой!
И почему я въ ихъ число кладусь тобой!
Ужъ не отецъ ли - - - ахъ! ты очи отвращаешь!
О Гамлетъ! Гамлетъ! что ты днесъ предпринимаешь!

ГАМЛЕТЪ.

На добродѣтели, я въ ярость не вступлю,
А беззаконія я больше не стерплю.

ОФЕЛІЯ.

Такъ гнѣва твоего уже причину знаю;
Но виннымъ Клавдія въ семь дѣлъ почитаю - - -

ГАМЛЕТЪ.

Конечно знаешь все: се новый громъ ушамъ!
И ты причислилась, и ты къ моимъ врагамъ!

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, я тебѣ вѣрна и въ вѣкъ не премѣнюся;
А въ злобѣ, знай, что я ни съ кѣмъ не соглашуся.

ГАМЛЕТЪ.

Кто слышачи молчитъ о мерзостныхъ дѣлахъ;
Недобродѣтеленъ, но лютъ въ моихъ глазахъ.
Разбойникъ такъ какъ тотъ, ково кто умерщвляетъ.
И тотъ, кто вѣдая ту тайну, сокрываетъ.
Когдабъ, что слышу днесъ, того я не слыхалъ
Я бь добродѣтельной дщерь вражью почиталъ!

Но слышачи сіе, почтеніе теряю.
Какой я въ тѣлѣ духъ прекрасномъ обрѣтаю?
Тебѣ извѣстно то.

ОФЕЛІЯ.

Имѣлалъ время я,
То возвѣститъ тебѣ? о горька часть моя!
При семъ ты разсуди, Полоній ли въ томъ винень,
Когда тиранъ сихъ странъ толь злобень и безчинень?
Хоть праведно твоя суда достойна мать - - -

ГАМЛЕТЪ.

Не сыну, матери безчинство отомщать,
А ты, то знаючи, передомной; молчала,
И грѣхъ ихъ отъ меня годъ цѣлый сокрывала!

ОФЕЛІЯ.

Годъ цѣлый? - - - я то все услышала въ сей часъ,
И уничтожила родительскій приказъ,
По что два дѣла ты въ едино сообщашь?
Ты симъ меня, мой Князь, безмѣрно удивляешь!

ГАМЛЕТЪ

Ты всю смѣшала мысль: я не могу понять,
Какъ должно по твоимъ рѣчамъ мнѣ разсуждать.
Офелія! тайны той, клянуса, что не знаю,
Котору предъ тобой съ убійствомъ сопрягаю.

ОФЕЛІЯ.

И мнѣ твои слова непостижимы днесь.
Внемли возлюбленный сего порядокъ весь;
Но внидемъ въ храмину мою, здѣсь быть ужасно.
Уже съ тобою, Князь, мнѣ явно быть опасно.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АРМАНСЪ и РАТУДА.

РАТУДА.

Армансъ! готовъ ли Князь, свой скипетръ взять, ийти,
И изъ подбремени народъ свой извести?
Царица Клавдія на вѣки оставляетъ,
И взоръ свой отъ него всемѣстно удаляетъ.

Благополучень день, благословень сей часъ,
Въ которы дѣло ихъ открылося чрезъ насъ.
А я не мню, чтобъ я предъ нимъ виновна стала,
Что долго отъ него я то утаевала.
Опасности и страхъ притчина сей винѣ.
Тиранъ ужасень всѣмъ, и преужасень мнѣ.

АРМАНСЪ.

Князь, слабость такову, отъ звѣрства отдѣляетъ,
И молчаливость ту Ратудѣ отпускаетъ.
Но что Гертруда днесъ себѣ предприняла?

РАТУДА.

Въ пустыняхъ обитать намѣренье взяла,
И ждетъ, чтобъ сына лишь увидѣть ей на тронѣ,
Къ спокойству Даніи въ родительской коронѣ.
Но что ему взойти на свой престоль претить?

АРМАНСЪ.

Доколь съ нимъ истинна народъ не съединить,
Всѣ предпріятія ево Ратуда тщетны;
Въ пути ему стоятъ препятствія безсмѣтны.
Уже я множеству народа то открылъ,
И силою присягъ въ нихъ тайну заключилъ.
Одно лишь то меня тревожа устрашаетъ,
Что Князь разгнѣванный терпѣніе теряетъ.
Ужъ алчный мечъ ево былъ въ гнѣвѣ обнаженъ,
И на враговъ ево жестоко устремленъ.
Но иль нещастіе ихъ еще отъ нихъ бѣжало,
Иль щастіе ево ему то даровало,
Что мѣчь безъ добычи въ влагалище вмѣщенъ,
И въ ярости изъ нихъ никто не пораженъ.

РАТУДА.

Не зрѣли ли они меча тогда?

АРМАНСЪ.

Не зрѣли.

РАТУДА.

Пекитесь, что бы вы успѣхъ въ сей день имѣли!

ЯВЛЕНИЕ V.

АРМАНСЪ одинъ.

Снимай желанный часъ съ народа бремена,
И скончевой страны сей злыя времена!
Дай небо, чтобъ жилъ Князь съ Офелъей неразлучно,
И правилъ скипетромъ своимъ благополучно!

ЯВЛЕНИЕ VI.

ГАМЛЕТЪ и АРМАНСЪ.

ГАМЛЕТЪ.

Армансъ! любезный другъ! мой духъ со всѣмъ смущень!
Я жалостью опять, какъ прежде, напоень!
Чьи мысли таковы удобны быть жестоки,
Чтобъ онъ нетронуть былъ, когда текутъ потоки,
Изъ предражайшихъ глазъ, возлюбленной ево?
Жалѣй Армансъ, жалѣй ты друга своего;
Но ахъ! не умножай моей негодной страсти:
Я тщуся побѣдить любовь въ моей напасти!
Хотя любовь меня меня колеблетъ и стыдитъ;
Но можетъ быть еще со всѣмъ не побѣдить.
Ахъ, Гамлетъ! ты себя напрасно величаешь;
Уже подъ игомъ ты ея изнемогаешь?
Твой разумъ естество почти превозмогло.
О долгъ! о красота! о коль терпѣть мнѣ зло!
Что дѣлать? что начать? Офелъя умоляетъ,
Чтобъ я умѣрилъ гнѣвъ, и слезы проливаетъ.
Оставь меня, и дай еще мнѣ размышлять,
Что должно въ такомъ мученіи начать.

АРМАНСЪ.

Ты горести своей вдаешься неразумно.

ГАМЛЕТЪ.

Не можно вообразить, какъ мнѣ терпѣти трудно.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ГАМЛЕТЪ одинъ.

Что дѣлать мнѣ теперь? не знаю, что зачать.
Легколь Офелію на вѣки потерять!
Отецъ! любовница! о имена драгія!
Вы были щастьемъ мнѣ во времена другія.
Днесъ вы мучительны, днесъ вы несносны мнѣ;
Предъ кѣмъ нибудь изъ васъ мнѣ должно быть въ винѣ.
Предъ кѣмъ я преступлю? вы мнѣ равно любезны:
Здержитесь въ очахъ моихъ потоки слезны!
Не зрюсь способенъ быть я къ долгу своему,
И нѣтъ пристанища блудящему уму

(Хватается за шпагу.)

Въ тебѣ единомъ, мечъ, надежду ощущаю,
А праведную месть я небу поручаю.
Постой - - - великое днесъ дѣло предлежитъ:
Мое сей тѣло часть съ душою раздѣлить.
Отверсть ли гроба дверь, и бѣдствы окончатъ?
Или во свѣтѣ семъ еще претерпѣвати?
Когда умру; засну, - - - засну и буду спать?
Но что за сны сія ночь будетъ представлять!
Умреть - - - и внити въ гробъ - - - спокойствіе прелестно;
Но что послѣдуетъ сну сладку? - - - неизвѣстно.
Мы знаемъ, что судить намъ щедро Божество:
Надежда есть, духъ бодръ; но слабо естество.
О смерть! противный часъ! минута вселютѣйша!
Послѣдняя напасть, но всѣхъ напастей злѣйша!
Воображеніе мучительное намъ!
Неизреченный страхъ отважнѣйшимъ сердцамъ!
Единымъ именемъ твоимъ вся плоть трепещетъ.
И отъ пристанища опять въ валы отместетъ.
Но есть ли бы въ бѣдахъ здѣсь жизнь была вѣчна;
Ктобъ не хотѣлъ имѣть сего покойна сна?
И кто бы могъ снести зла щастія гоненье,
Болѣзни, нищету, и сильныхъ нападенье,
Неправосудіе безсовѣстныхъ судей,
Грабежъ, обиды, гнѣвъ, невѣрности друзей,
Вліянный ядъ въ сердца великихъ лъсти устами?
Когдабъ мы жили въ вѣкъ, и скорбь жилабъ въ вѣкъ
съ нами.
Во обстоятельствахъ такихъ намъ смерть нужна;

Хотяжъ бы Царскій вѣкъ еще и дологъ былъ;
Мой Князь и при Царѣ бѣ ему то испросиль.
О отче мой! ты смерть себѣ приготавлиаешь,
И въ преисподнюю въ сей день себя ввергаешь.
О небо! какъ сіе мнѣ бремя мочь снести,
Уже я не могу родителя спасти;
Моихъ прошеній Князь уже не принимаетъ,
Стенаніи своей любезной презираетъ;
Не могутъ жалобы мои ево тронуть:
Стезями тѣми же идетъ въ начатый путь.

ФЛЕМИНА.

Дай время ярости, доколѣ мысли люты.
Прейдутъ сіи, прейдутъ жестокія минуты.
Я видѣла, когда отъ комнатъ нашихъ шелъ,
Какую жалость онъ въ очахъ своихъ имѣлъ.
Любовникъ въ тѣ часы, когда онъ жесточааетъ,
Противиться во всемъ сей нѣжной страсти чааетъ,
И хочетъ быти рабъ разсудка своего;
Но тщетны мысли тѣ! любовь сильнѣй всево.

ОФЕЛІЯ.

Не разсужденіе; но гнѣвъ ево опасенъ,
И можетъ быть что плачь мой: былъ предъ нимъ
напрасенъ.
И есть ли мой отецъ отъ Гамлетовыхъ рукъ,
Увы! пойдетъ во гробъ; колико дастъ мнѣ мукъ!
Я буду убѣгать любезнѣшаго зрака,
Не будетъ для меня сего желанна брака,
Не будетъ радостей, которыхъ я ждала,
Надежды сей лишуся, въ которой я жила,
Приятны вздохи мнѣ всѣ въ вздохи обратятся,
Веселости мои въ печали претворятся.
Но кая тщетна мысль еще меня бодрить!
И кая мя еще надежда веселить!
Нещастный человѣкъ пустымъ себя прельщаетъ,
И изъ отчаянья надежду извлекаетъ,
Безпрочной суеты, намъ неслужащій даръ.
Какой уже, какой въ истлѣвшемъ пеплѣ жаръ!

ФЛЕМИНА.

Приятнѣй солнца свѣтъ, когда пройдетъ ненастье,
И слаще сладка жизнь, когда пройдетъ нещастье.

Кто знаетъ для чево случаи таковы:
Не для познаніяль ево - - -

ОФЕЛІЯ.

Увы!

Не льсти Флемина мнѣ ты частію иною.
Но кое зрѣлице! отецъ мой предомною.
Поди отсель.

ЯВЛЕНІЕ II.

ОФЕЛІЯ и ПОЛОНІЙ.

ПОЛОНІЙ.

О дочь! любовь мою храня,
Хранишь ли подлинно? достойналь ты меня?
Скажи, ещель я дочь возлюбленну имѣю?

ОФЕЛІЯ.

Я истребить любви къ любимымъ не умѣю;
Но естли то любовь, чтобъ должность погубить;
Такъ знай, что никово я не могу любить.

ПОЛОНІЙ.

Ты думаешь, что я свой долгъ позабываю,
И къ неполезному дочь дѣлу понуждаю,
Уставы естества и свѣтскія губя,
И симъ безчестіе взлагаю на себя.
Страшись и ощущай мою немилость вѣчну;
Я въ ярость премѣню любовь къ тебѣ сердечну.
И естли моево не хочешь гнѣва несть;
Предупреждай сей гнѣвъ доколѣ время есть.

ОФЕЛІЯ.

Ахъ! ты предупреждай гнѣвъ неба; вѣкъ прелестень,
Но ахъ! конецъ ево намъ смертнымъ не извѣстенъ.
Къ погибели твоей я трона не ищу,
И на престолъ вступить безчинно не хочу.
Помысли сверьхъ того, всель можно утаити:
А ярость праведну не можно утолити.
Не гнѣвайся, что я въ разсудкѣ такова.
Непослушаніе, противныя слова,

Отъ добродѣтельной души моей исходятъ:
И ежели они на гнѣвъ тебя приводятъ,
Оставь мнѣ, что тебѣ, толь дерзко говорю:
Я должность дочери сей дерзостью творю.
Довольно злыхъ людей Полонья отравляютъ,
Которые тебя устами прославляютъ,
Когда присутствуетъ бесѣдѣ ихъ твой зракъ:
И чтобъ ты ни сказалъ, они вѣщаютъ такъ,
Но что вредный льстеца самолюбиву нраву?
Престань меня влещи въ погибельную славу,
И не теряй минутъ престоломъ мя прельщать;
Я чести не хочу безчестіемъ искать:
Симъ образомъ никакъ насъ честь не возвышаетъ,
Но добродѣтели въ сердцахъ изкореняетъ,
И дѣлая единъ во славу чести видъ,
При отвращеніи сердецъ влечетъ намъ стыдъ.

ПОЛОНІЙ.

Я наставленіевъ твоихъ не принимаю,
И ужъ въ послѣдній разъ тебѣ напоминаю:
Послушна ли ты мнѣ, послушна, или нѣтъ?

ОФЕЛІЯ.

Во всемъ; но таковой противень мнѣ совѣтъ,
И повелѣнія исполнить неудобно.
О время! ты еще Полонію способно!
Когда тебѣ твоя противна стала дщерь;
Такъ сжался надъ собой, не надо мной теперь:
Престань въ тиранскія ты дѣйствія мѣшаться,
И срамотой его безстыдно услаждаться!
Всѣ люди бременемъ ево отягчены,
И терпятъ можетъ быть для сей одной жены,
Которая Царя ихъ прежняго супруга.
Ково вы будете по ней имѣти друга?
Не сына ли ея, любима царствомъ всѣмъ?
Какое мнишь найти прибѣжище ты въ немъ?
Умолкнетъ ли о васъ вражда, и гласъ народа,
Васъ поносящія во дни сего зла года?
Скажи мнѣ: какъ тиранъ на Дацкій тронъ вступилъ?
Который, ахъ! онъ день безъ казни проводилъ?
Къ кому склонялося то сердце горделиво?
И кто имѣлъ ево гнѣвъ лютей справедливо?
И есть ли умертвить онъ Гамлетову мать;

Чего скажи, чего онъ будетъ ожидать?
Но Клавдіева часть Офелію устрашаетъ,
Не имъ; но что она твою съ собой сплетаетъ;
Прими мой сей совѣтъ, для сихъ текущихъ слезъ,
И ярость умягчи разгнѣванныхъ небесъ,
Для чести онаго ково я умоляю,
И для ради ково я слезы проливаю!
Внемди Офеліинъ въ тоскѣ прискорбный гласъ,
Доколѣ не пришелъ незапно грозный часъ!

ПОЛОНІЙ.

Довольно ужъ тебѣ душа моя терпѣла,
И медлила хотя вся кровь во мнѣ кипѣла.
Когда пренебрегла ты всю мою пріязнь,
Ты мнѣ не дочь, въ сей день приимешь люту казнь.
Я больше не могу преступницы жалѣти:
Страшись и трепещи, приходитъ часъ умерети!
Въ сей: день забудешь ты число отцовыхъ злобъ.
Въ сей день забудешь все..., въ сей день ты снидешь
въ гробъ.

ОФЕЛІЯ.

Благословенъ сей день, въ который умираю,
Я въ добродѣтели животь окончеваю.
Возми сію ты жизнь, котору ты мнѣ далъ,
И бремя то снимай, которо налагалъ.
А вы, о небеса! мой духъ восприимайте,
И симъ ево грѣхомъ, грѣхи ево скончайте!

ЯВЛЕНІЕ III.

ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ и КЛАВДІЙ.

ПОЛОНІЙ.

Я милости твои, о Царь мой, погубилъ,
Не щастіемъ, что дочь такую я родилъ:
Что слышалъ прежде ты, она все мыслить то же,
Но милость мнѣ твоя, всево, что есть, дороже:
Не давъ подъ власть твою Офеліину красу,
Я кровь ея тебѣ на жертву принесу.

КЛАВДІЙ.

Ты такую честь, Офелю презираешь?
Престола знать еще ты сладости не знаешь.

ОФЕЛІЯ.

Когда меня отец сей славой не прельстиль,
И въ младости познать кончину осудилъ;
Я смерти своея смиренно ожидаю,
Я тронъ твой и съ тобой мерзю уничтожаю.

ПОЛОНІЙ.

Не буди, государь, симъ словомъ прогнѣвленъ;
Она ужъ суждена, и судъ надъ ней свершень.
Погибнетъ скоро сей рукой безчеловѣчно,
Подъ остротой меча закроетъ очи вѣчно.
Но что бы былъ ты сытъ Полоній злостью сей,
Имѣй ты львовый гнѣвъ днесъ къ дочери своей.
Будь твердъ, чтобъ глазъ твоихъ она не отвращала,
И въ токахъ предъ тобой кровавыхъ трепетала.
Смотри безъ жалости, какъ станеть умирать,
И испуская духъ томиться и страдать.

КЛАВДІЙ.

Будь твердъ, не премѣнись Полоній, въ семь обѣтъ.
О правосудіе неслыханное въ свѣтъ!
Единородну дщерь свою не пощадить;
Коль предъ Царемъ дерзнула преступить!

ПОЛОНІЙ.

Намъ должно исправлять противящися нравы:
Когда не сокращать людей, на что уставы?

КЛАВДІЙ.

Коль то ты предпріялъ, такъ умертви скоряй;
Ждать смерти при концѣ есть самой смерти зляй.

ПОЛОНІЙ.

Свидѣтельствовать смерть преступницы довлѣеть.
Мы симъ дадимъ примѣръ, что Клавдій не жалѣеть,
За преслушаніе на свѣтъ ни ково,
И крови не щадитъ Полонья самова.
А я дамъ симъ примѣръ, коль рабъ прямой послушень
Владыкѣ долженъ быть, и коль я праводушень.

О мерзость! - - - какъ тебя еще я, нареку!
Я душу изъ тебя съ мученьемъ извлеку.
Пойдемъ.

ОФЕЛІЯ.

Къ тебѣ взвожу, всещедро небо, руки!
Не дай мнѣ чувствовать сей долго страшной муки.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ОФЕЛІЯ одна.

Оставили меня: не знаю для чего.
Не здѣсь ли буду ждать мученья своего?
Вотъ какова моя несчастлива судьбина!
Дщерь знатнаго отца, невѣста Царска сына,
Великолѣпіе, богатство, красоту,
И все что дѣлало приятной суету,
Въ единъ теперъ я мигъ на вѣки погубляю.
Но все то, что ни есть, въ пристанищѣ теряю.
Тогда, когда мой Князь на свой восходитъ тронъ,
Все щастіе, вся жизнь, минуется какъ сонъ.
Тѣнь радостей въ любви! почто ты мнѣ коснулась?
Прелестная мечта! о какъ я обманулась!
Когда, ты небо мнѣ судило въ свѣтъ быть;
Почто такимъ отцомъ мя было въ свѣтъ пустить?
Другой бы мой омылъ гробъ горькими слезами,
А сей отъемлетъ жизнь своими, ахъ! руками.
Прости страна и градъ рожденья моего!
Освобождайтесь отъ ига своего;
Чертоги, гдѣ росла! несчастныя чертоги!
Простите навсегда! А вамъ напасти строги,
Въ послѣдній мнѣ сей день, готовится конецъ;
Надежда подданныхъ приемлетъ свой вѣнецъ,
Но я, мой Князь, тебя, куды иду, оттуду,
Въ порфирѣ, и вѣнцѣ и въ славѣ зрѣть не буду,
Прости дражайшій Князь! - - -

ЯВЛЕНИЕ V.

ОФЕЛІЯ и СТРАЖИ.

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Я долженъ то сказать! - - -

Полоній далъ приказъ тебя подъ стражу взять;
Такъ Клавдій повелѣлъ.

ОФЕЛІЯ.

Я повинуюсь власти.

О небо! окончай скоряя мои напасти.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНИЕ I.

КЛАВДІЙ и ПОЛОНІЙ.

ПОЛОНІЙ.

Нашъ вымысль дѣйствія начало воспріялъ:
Я пятьдесятъ твоихъ рабовъ къ тому избралъ,
Которымъ велѣно, чтобъ Гамлета сразили,
И Клавдіеву власть сей смертью утвердили.
Я казнь сію внушилъ имъ общества добромъ,
Къ убійствію склонивъ сихъ воиновъ серебромъ.
Лукавство наше ихъ къ тому не возманило,
Доколѣ имъ серебро очей не ослѣпило,
И не разжгло сердецъ воюющихъ съ тобой,
На злобу къ сторонѣ отъ Клавдія другой.
За Гамлетомъ убить имъ велѣно Гертруду?
Сокровище приявъ, они готовы всюду.
Я судією имъ тебя предвозвѣстилъ:
Страшатся только, чтобъ народъ ихъ не побилъ.
Но что намъ въ пагубѣ несчастныхъ сихъ печали?
Лишь толькобъ дѣло то исправно dokonчили.
Еще закроются симъ оныя дѣла,
Которы совершить насъ нужда привела.
И есть ли государь тебѣ донести я смѣю,

Какое я еще намѣренье имѣю:
Когда они дойдутъ до нашего суда,
Льзя способъ намъ сыскать и ихъ послать туда,
Куды они враговъ опасныхъ намъ низринуть.
И тако таинства на свѣтѣ не покинуть:
Армансъ съ Ратудою оружемъ ихъ падуть,
Надъ дочерью моею уже свершился судъ:
Симъ тайна въ вѣчное молчанье пренесется.

КЛАВДІЙ.

Мой тронъ на камени претвердомъ остается.
Для привлеченія спокойствія сердцамъ,
Послѣдуемъ всему, что къ пользѣ служить намъ.
Но дочерь твоя когда приметъ мзду достойну?
Она творитъ мнѣ мысль еще днесъ безпокойну:
Прелестна красотой, любима царствомъ симъ,
Горда противъ Царя, склонна врагамъ моимъ,
На смерть поносную отцомъ своимъ влачима,
И можетъ быть давно ужъ Гамлетомъ любима.
Кто знаетъ, что она по смерти ихъ зачнетъ;
Когда она свое непослушанье чтеть,
И добродѣтелью преступокъ называетъ.
Какихъ Полоній дѣйствъ отъ дщери ожидаетъ?

ПОЛОНІЙ.

Не сѣтуй государь! она умретъ въ сей часъ,
И воинамъ ужъ данъ Полоніевъ приказъ,
Привестъ ея сюды. Но чтобъ уже сказала
Она то таинство, которое познала,
Того не можетъ быть: сколь дочь моя горда,
Столь въ сохраненіи химеры сей тверда,
Котору честностью безумство называетъ,
И ей отдавшись въ плѣнъ, въ ней Бога почитаетъ;
Но что бы слабости ей, въ сердце не пустить,
Конечно надлежитъ скоряе умертвить.
Се сей противный зракъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ ЖЕ, ОФЕЛІЯ и СТРАЖИ.

ПОЛОНІЙ.

Вы воины смотрите

Позорище сіе, и въ немъ примѣръ возьмите,
О правосудіи народу возвѣстить,
Которо надъ собой я вамъ хочу явить.
Единородна дочь моя въ преступокъ впала:
Она владѣтелю досаду доказала,
Непослушаніемъ уставъ пренебрегла,
И милости ево упорствомъ воздала.
Ни лѣты, ни краса, въ которыхъ процвѣтала,
Ни безпорочна жизнь, въ которой пребывала,
Въ семь преступленіи явившаясь теперь,
Не могутъ спасти ея, хоть мнѣ она и дщерь,
И умерщвляется отцовыми руками.
Я истинну одну имѣю предъ очами.
Но вмѣсто площади ей Царь чертогъ свой далъ,
И совершити казнь отца ея избралъ;
Чтобъ знатной крови сей безчестье не казалось,
А правосудіе повсюдубъ наблюдалось.
Сію едину онъ мнѣ милость сотворилъ:
Иныя отъ него Полоній не просилъ.
Вянь, вянь преступница въ своемъ ты лучшимъ цвѣтѣ!
Предшествуй истинна, всему, что есть на свѣтѣ.

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ ЖЕ и еще ВОИНЪ.

ВОИНЪ.

Сей замокъ, государь, народомъ весь объять,
И люди отовсѣхъ сторонъ къ нему лѣтять:
Младья, старики, и женскій полъ, и чада,
Всѣ, словомъ, жители сего престольна града,
Къ стѣнамъ чертоговъ сихъ безъ памяти бѣгутъ,
И со стенаніемъ согласно вопіютъ:
Ищите воины злодѣевъ сихъ ищите,
Кѣмъ Гамлетъ пораженъ, и смерть ево отмстите - -

ОФЕЛІЯ.

Увы!

КЛАВДІЙ.

Нещастный Князь!

ПОЛОНІЙ.

Ступай къ народу Царь!

Уйми толикое смущенье государь!
Я здѣсь остануся со дщерию моею,
А ты представь себя убійцамъ судією,
И правосудіе свое предвозвѣсти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ и ВОИНЫ,
которые ея привели.

ОФЕЛІЯ.

И Гамлета ужъ нѣтъ! прости мой Князь! прости!
О злоба! что еще въ сей день ты сотворила!
Почто тебя я Князь во гробъ не предварила?
Иль ахъ! чтобъ дня сего, сей часъ мнѣ горьче былъ?
О градъ! ты всю свою надежду погубилъ!

ПОЛОНІЙ.

Со удивленіемъ слова твои внимаю. - - -

ОФЕЛІЯ.

Рази, я умереть теперь уже желаю.
Рази, какъ ты Царя нещастна поразилъ.
И знай, что сынъ ево Офелію любилъ,
А дщерь твоя о немъ вздыхала, ахъ! подобно.
Усугубляй свой гнѣвъ, и вырви духъ мой злобно!

ПОЛОНІЙ.

Теперь открыла ты мнѣ всѣ свои дѣла.
Какой ты кровь моя мнѣ плодъ произвела!
Умри - - -

(Стремится заколоть дочь свою;
но въ самое то время
входитъ
Гамлетъ съ Армансомъ и съ
воинами, и вырываетъ мечъ
изъ рукъ ево.)

ГАМЛЕТЪ.

Ужъ никому твоя невредна злоба,
Не ей, тебѣ тиранъ отверсты двери гроба.
Уже народныя низпали бремена,
Когда ты страшень былъ, скончались времена.
Пади подъ остротой меча сего - - -

ОФЕЛІЯ бросаюсь къ Гамлету.

Жестокой!

Онъ мнѣ отецъ.

ПОЛОНІЙ Гамлету.

Всходи взносись на тронъ высокой,
Когда тебѣ твоя неправда помогла,
И дерзостны сердца противъ Царя зажгла.
Пришелъ ко мнѣ мой рокъ. А ты теперь облейся
Отцовой кровію, и крови сей напейся.

ГАМЛЕТЪ Офеліи.

Дай казнь мнѣ совершить.

ОФЕЛІЯ.

Ахъ! сжался надо мной.

ГАМЛЕТЪ.

По таковыхъ дѣлахъ, онъ не родитель твой.

ОФЕЛІЯ.

Я, Князь, злодѣя въ немъ какъ ты уничтожаю;
Однако въ немъ отца люблю и почитаю.

ГАМЛЕТЪ.

Сей варваръ моево родителя убиль.

ОФЕЛІЯ.

Но Гамлетъ, онъ твою возлюбленну родиль.

ГАМЛЕТЪ.

Любезныя глаза! вы весь мой духъ мутите! - - -
Подъ стражу воины убійцу поведите.
Ступай тиранъ, и жди себѣ достойной мзды.

ПОЛОНІЙ.

Дай небо, что бы васъ постигли всѣ бѣды!

ЯВЛЕНИЕ V.

ГАМЛЕТЪ, ОФЕЛІЯ и АРМАНСЪ.

ОФЕЛІЯ.

Могуль я испросить родителю прощенье?
Тебѣ легко, мой Князь, скончать мое мученье!
Довольно я и такъ въ смятеніи жила,
Довольно горькихъ слезъ въ стенаніи лила.
Не презри горестна прошенія любезной.
Скончай сурову часть моей ты жизни слезной!
Ты хочешь острый мечъ на кровь мою поднять.
Или тебѣ не жаль Офелю потерять?
Въ какой ты горести мя Гамлетъ оставляешь!
Ты самъ меня, мой Князь, съ тобою разлучаешь.

ГАМЛЕТЪ.

Удобно ли простить злодѣя такова?

ОФЕЛІЯ.

Такъ знать не трогаютъ тебя мои слова?
Или ты мщеніе любви предпочитаешь? - - -
Ты очи отъ меня во гнѣвъ отвращаешь!
О какъ обманута Офелія тобой,
Я тщуся быть твоей, ты быть не хочешь мой,
И смотришь на меня стнящую спокойно:
Знать сердце быть мое твоимъ ужъ не достойно.
Я дщерь не Царская, а твой отецъ былъ Царь,
Офелія раба, а ты мой Государь;
Но я тебя любя, прельщалася не саномъ:
Надежда сладкая! ты стала мнѣ обманомъ!
Когда ты бѣдности въ странѣ сей Князь терпѣлъ,
Когда ты никакой надежды не имѣлъ
Взойти на тронъ, гдѣ зlobъ тогда жилище было,
Такъ сердце и тогда мое тебя любило.
Коль много разъ мои ты слезы отиралъ,
Которы ты своимъ нещастьемъ извлекалъ,
Какъ мы супружества, котораго желали,
Во градъ семь имѣть уже не уповали!
Ты былъ отечество свое покинуть радъ,
И убѣжать со мной въ какой незнатный градъ.
Хоть въ самый дальный край пространна вселенной,
И жить въ убожествѣ въ любви уединенной,

Тамъ оба премѣнивъ несчастныхъ имена:
Гдѣ дѣлися вы тѣ драгія времена?
Вы въ горестяхъ, въ слезахъ, еще мнѣ сладки были,
И безмятежну жизнь несчастливымъ сулили.
А днесъ, когда беретъ любовникъ мой вѣнецъ,
Пріятнымъ мыслямъ всѣмъ приходитъ, ахъ! конецъ,
За что ты премѣнилъ тѣ мысли въ мысли люты?
Ахъ! вспомни, вспомни тѣ толь сладкія минуты!
Когда я при тебѣ въ унынїи была,
Унынїемъ однимъ тронуть тебя могла.
Ты часто цаловалъ Офелїины руки,
И лаской скончевалъ мои малѣйши муки.
Ты свой покой въ моемъ покоѣ почиталъ;
Ахъ, Князь! каковъ ты былъ! и ахъ! каковъ ты сталъ!
Уже не чувствуешь любезной огорченья,
И становишься самъ виной ея мученья.
Жалѣй меня, жалѣй, не дай мнѣ умереть!

ГАМЛЕТЪ.

О небо! какъ посемъ на гробъ отцовъ воззрѣть,
Когда Офелїю отъ горести избавлю,
И смрадному его убійцѣ жизнь оставлю?
Стенящая душа, остатокъ естества,
Прозяща мщенїя, предъ трономъ божества,
Родительская тѣнь! я думаю, что нынѣ
Ты зришь себѣ врага въ своемъ любезномъ сынѣ,
Колеблющагося въ жару любви стена,
И мной гнушается! взирая на меня.
Когда я симъ тебя мой отче прогнѣвляю,
И должности своей уставъ пренебрегаю,
Оставь мою вину! когдабъ я не любилъ,
Я бъ должность наблюдалъ и безпороченъ былъ.

ОФЕЛІЯ.

Что ты любезной жизнь оставить помышляешь,
Не праведно сіе порокомъ называешь.
И есть либъ ты отца сей мыслию гнѣвилъ,
Каковъ бы онъ суровъ въ той новой жизни былъ,
Изъ той жизни, гдѣ суетъ и злобы не бываетъ,
И гдѣ тщеславїе людей не ослѣпляетъ,
Гдѣ царствуетъ покой, и истинна живетъ,
И время въ тишинѣ изъ вѣчности плыветъ.

ГАМЛЕТЪ.

Но кровь его, но кровь въ чертогахъ сихъ пылаеть,
И на отмщеніе мой духъ возпламеняеть,
О Гамлетъ! совершай, что долгъ тебѣ велить!
Не впрямъ ли мнѣ того Офелья не простить!

ОФЕЛІЯ.

Когда ты совершишь намѣреніе грозно,
Тогда моимъ опять любовникомъ быть позно.
Тогда моя на вѣкъ надежда пропадетъ,
И ужъ меня ни что съ тобой не сопряжетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Инь духъ страдай! воздамъ достойну плату злобѣ,
И возвращю покой потерянный во гробѣ.
(Хочетъ уйти.)

ОФЕЛІЯ.

(Удерживаетъ ево, и
становится на колѣни.)

Всѣ слабости мои открылись предъ тобой,
Изнемогаетъ духъ, темнѣетъ разумъ мой.
Я не могу сихъ думъ толь горестныхъ терпѣти,
И не могу при нихъ спокойно умерети.
И смерть твоя и жизнь мученье мнѣ сулитъ,
Воображеніе ужасно мя разитъ.
Когда ты о себѣ уже не сожалѣешь;
Какую обо мнѣ ты мысль теперь имѣешь?
Иль хочешь взоръ закрыть, о мнѣ не вспомянувъ,
И духъ свой испустить, о мнѣ не воздохнувъ?
Но мня, что памяти и вздоховъ я достойна,
Вообрази себѣ, какъ буду безпокойна!
Сего ли для ты жизнь несчастныя продлилъ,
Чтобъ ты свирѣпые мя съ нею разлучилъ,
Чтобъ я люгѣйшее терзаніе вкусила,
И очи, ахъ! въ тоскѣ несносной затворила?
Какое бѣдство я странѣ сей приключю!
Всѣ радости въ тебѣ народны помрачу.
Никто уже меня безъ злобы не вспомянетъ,
Коль изъ любви моей толь вредный громъ здѣсь грянетъ.
Когда надъ сердцемъ я твоимъ имѣю власть;
Яви любезный Князь, яви мнѣ ону страсть!
Иль на Полонія желѣзомъ изощреннымъ,

Дай прежде смерть вкусить тобою чувствамъ плѣннымъ!
Отмщай! но прежде ты любовь мою забудь,
И проколи сперва Офелину грудь!

ГАМЛЕТЪ.

Владычеству любовь, когда твоя днесь сила,
И разсужденіе и духъ мой покорила!
Встань Офелія! ты власть свою нашла!
Отри свои глаза! напасть твоя прешла.

ОФЕЛІЯ воставъ.

Преобращайся плачь ты въ радости и смѣхи!
Мой Князь меня вознесъ на самый верхъ утечи.
Не привидѣніель, не сонъ ли мнѣ сіе?
И подлинноль прешло все бѣдствіе мое?
Прешло - - - и прервались тѣ тяжкія оковы,
Что были разлучить съ душой меня готовы.
Въ веселіи тебѣ и щедрымъ небесамъ,
Дражайшій Князь! какой я мздою то воздамъ?
По утишеніижъ моихъ напастей многихъ,
Скажи мнѣ, какъ скончалъ ты дни время толь строгихъ,
И какъ ты удержалъ своихъ судьбину бѣдъ?
Ужъ вѣсть была, что, ахъ! тебя на свѣтѣ нѣтъ.
Какое щастіе тебя въ немъ удержало?

ГАМЛЕТЪ.

Все здѣшне жительство на помощь мнѣ предстало,
Уже едва не весь извѣстенъ городъ былъ,
Какъ мой отецъ, ихъ Царь, животъ свой погубилъ,
Которыя о томъ и знали и не знали,
Единодушно всѣ на тронъ меня желали.
Но Клавдій знать уже меня подозрѣвалъ;
Полоній пятьдесятъ разбойниковъ избралъ:
Я именемъ другимъ назвать ихъ не умѣю,
Чтобъ имъ меня убить и съ матерью моею,
Прибыткомъ алчущихъ удобно ослѣпить.
Жестокія сердца легко ко злу склонить.
Спасая мать свою, доколь поверту злобу,
Я ввелъ ея во храмъ къ родительскому гробу,
Ей тамо камень сей слезами омывать,
И силу вышнюю на помощь призывать,
Во ожиданіи, въ надеждѣ сей, доколь
Не будетъ сына зрѣть сѣдяща на престолѣ,

И какъ я отъ нея пошелъ сюды назадъ,
И прикоснулся лишъ святыхъ порогу вратъ:
Разбойники ко мнѣ съ стремленіемъ бѣжали,
Ихъ острыя мечи какъ молніи сверкали,
Но лишъ съ Армансомъ мы оружье извлекли,
Они покинувъ насъ, во всѣ страны текли:
Знать имъ возмнилось, что насъ во храмъ много:
Увидяжъ только двухъ, опять напали строго.
Противъ нападковъ ихъ мы стали во вратахъ,
И защищалися пренебрегая страхъ.
Боязнь въ случаяхъ сихъ уже не помогаетъ;
Лишъ только помощи послѣднія лишаетъ.
Мы нѣку часть изъ нихъ повергли предъ собой.
И началъ слышиться во градѣ голосъ мой,
Чтобъ помощь дали намъ къ спасенію Гертруды,
И что я гибну самъ: народъ бѣжалъ отвсюды.
Намѣренье свое по нуждѣ премѣня,
Разсыпалися всѣ злодѣи отъ меня;
Но множествомъ мечей всѣ пораженны стали,
Одни изранены, другія мертвы пали.
И какъ пришелъ всему желанный граду часъ,
Различный слышался о мнѣ въ народѣ гласъ:
Кто близко былъ меня, тотъ радостію таялъ;
А кто меня не зрѣлъ, тотъ мертва быти чаялъ:
И тако въ далекѣ былъ страшный слышенъ стонъ.
А я въ домъ Царскій шель со тьмою оборонъ.
Разбойники мнѣ все злодѣйство рассказали,
Которыя въ крови межъ мертвыхъ умирали.
Я душу яростью наполнену имѣлъ,
И съ нетерпѣніемъ, во многолюдствѣ шель,
Явить мучителямъ, достойну имъ судьбину,
И что владыки ихъ исполнить должно силу.
Тиранъ по лѣствицѣ въ низъ замка низходилъ,
И въ лицемѣрїи, увы! мой Князь! вопилъ;
Но усмотрѣвъ въ рукѣ моей желѣзо наго,
Не къ радости позналъ быть Гамлета живаго,
И обратясь въ свои чертоги утекалъ,
Гдѣ суетно себѣ убѣжища искалъ,
Отъ страха смертнаго во всѣ углы метался,
И палъ подъ симъ мечемъ; токъ крови проливался.
О возвращеніи во храмъ молясь моемъ,
Гертруда предстоитъ еще предъ олтаремъ.

Гражданство, воинство, мя съ нею ожидаютъ,
И съ скипетромъ въ рукахъ узрѣть меня желаютъ.
Пойдемъ, Офелія, пойдемъ не медля къ нимъ,
И съ ними небесамъ молитвы воздадимъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТЪ ЖЕ и ВОИНЪ.

ВОИНЪ.

Полоній, государь, подъ стражею скончался.

ОФЕЛІЯ.

Ахъ!

ГАМЛЕТЪ.

Знать, что казни онъ достойной убоялся,
И убоявшись себѣ убійцомъ сталъ.
Скажи мнѣ, какъ онъ жизнь мучительску скончалъ?

ВОИНЪ.

По приведеніи ево подъ стражу нами,
Онъ грозными на насъ металъ свой взоръ глазами,
И въ изступленіи предъ нами походивъ,
Сказалъ: когда вашъ Князь уже остался живъ,
Напрасно дочь моя тамъ просить и стонаетъ.
Прошеніемъ вину свою усугубляетъ;
Я не хочу отъ нихъ щедроты никакой,
И ихъ владѣтелями не ставлю надъ собой,
Скажите имъ, что я о томъ лишь сожалѣю,
Что больше погубить ихъ силы не имѣю,
По сихъ словахъ тотчасъ онъ ножъ въ себя вонзилъ,
Скрежещущъ палъ, и духъ во злобѣ выпустилъ.

ОФЕЛІЯ.

Я все исполнила, что дщери надлежало:
Ты само небо днесъ Полонья покарало!
Ты, Боже мой! ему былъ долготерпѣливъ!
Я чту судьбы твои! твой гнѣвъъ есть справедливъ!
Ступай мой Князь во храмъ, яви себя въ народъ,
А я пойду отдать послѣдній долгъ природѣ.

Конецъ трагедіи.